

На правах рукописи

Яковлев Алексей Николаевич

**РОТОНДАЛЬНЫЕ ХРАМЫ РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX
ВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ УСТОЙЧИВЫХ
АРХИТЕКТУРНЫХ ТИПОВ**

Специальность – 17.00.04 –

изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата искусствоведения

Москва

2022

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном научно-исследовательском учреждении «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры Российской Федерации в Секторе свода памятников архитектуры и монументального искусства

Научный руководитель:

СМИРНОВ Георгий Константинович, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора свода памятников архитектуры и монументального искусства Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры Российской Федерации

Официальные оппоненты:

ШВИДКОВСКИЙ Дмитрий Олегович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой Истории архитектуры и градостроительства, ректор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский архитектурный институт (государственная академия)» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, академик, президент Российской академии архитектуры и строительных наук, вице-президент Российской академии художеств.

СКВОРЦОВА Екатерина Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории русского искусства Института истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»

Защита состоится «09» июня 2022 года в 14.00 на заседании Диссертационного совета Д 210.004.02 при Государственном институте искусствознания по адресу: 125009, Москва, Козицкий пер., д. 5. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Государственного института искусствознания по адресу: Москва, Козицкий пер., д. 5 и на сайте института <http://sias.ru/upload/iblock/709/Dissertatsiya.pdf>
Автореферат разослан «.....» 2022 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат искусствоведения

А.А. Аронова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Храмовая архитектура России XVIII – первой четверти XIX в. – важная часть русского архитектурного наследия. На протяжении всего обозначенного периода церкви, сооружаемые в столицах, в дворянских усадьбах, и тем более – в провинциальных городах и селах зачастую оставались самыми значительными сооружениями, в которых с наибольшей полнотой воплотилось многообразие архитектурных форм, характерное для времени одновременного сосуществования, взаимного пересечения и развития нескольких архитектурных традиций.

В самом схематичном виде их принято сводить к двум основным направлениям: «новому», связанному с освоением в России художественных форм западноевропейской архитектуры, и традиционному, наследующему формы древнерусского зодчества. Однако реальная картина, возникающая из детального изучения обширных комплексов памятников, оказывается много сложнее. С одной стороны, в древнерусской традиции, особенно к рубежу XVII–XVIII вв., существовало не мало форм созвучных европейскому зодчеству: как восходящих через византийский исток к античному наследию, так и заново инспирированных ренессансной и пост-ренессансной архитектурой. С другой стороны, сооружения, возводимые по новым европейским образцам, зачастую претерпевали серьезные изменения, обусловленные потребностями православного богослужения и пр. Кроме того, и для первого, и второго направления главным фактором, определяющим специфику художественного языка, в равной степени являлся выбор тех или иных образцов или прототипов, изучение которых – от смысловой мотивации их выбора до особенностей их конкретного воспроизведения в каждом памятнике – является чрезвычайно важной задачей, позволяющей предметно проанализировать картину развития русской храмовой архитектуры XVIII –

первой четверти XIX в. То есть, изучение проблем иконографии, типологии и формообразования приобретает особую актуальность.

Наиболее показательный материал для подобного исследования в церковном зодчестве представляют ротондальные и другие центрические постройки. В количественном отношении они значительно уступали продольно-осевым типам композиций, ставшим уже во второй половине XVII в. самыми распространенными, хотя в XVIII в. продольные композиции нередко включали в себя центрическую основу (например, ротонду). Однако именно ротондальные сооружения, воплощавшие в культуре Нового времени образ идеального храма, как правило, отличались оригинальностью архитектурного решения, предоставляя возможность наглядного представить процесс генезиса в России нового архитектурного языка в русле европейской традиции.

В связи с заявленной темой на сегодняшний день актуальными являются три вопроса: 1) происхождение и развитие иконографии храмов ротондальной формы; 2) генезис и распространение устойчивых архитектурных типов ротондальных храмов; 3) взаимодействие центрических и продольных композиционных схем.

Степень научной разработанности проблемы

Дореволюционный период изучения храмовой архитектуры России в основном характеризуется фактографическим подходом. В это время издавались историко-статистические сборники и описания разных губерний и епархий¹. Они часто являются единственным письменным источником по конкретным

¹ См. например:

Березин В. Д., Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. – Владимир: Типо-лит. В. А. Паркова, 1893–1898. – 5 т; *Добровольский И.* Тверской епархиальный статистический сборник. – Тверь: Типо-литография Ф. С. Муравьёва, 1901. – [2], 2, 8, XXIV, 772 с.; *Добролюбов И. В.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных... – Зарайск, Рязань: Тип. А. Н. Титовой, 1884–1891. – 4 т.; Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / ... под ред. А. Е. Андриевского. – Тамбов: Типо-литография Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911. – 909 с.; [*Малицкий, П. И.*] Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. – Тула: Тип. Н. И. Соколова, 1895. – II, 781, XLIII с.; *Санковский А. В.* Краткое описание церквей Смоленской епархии. Вып. 1. – Смоленск: паровая типо-лит., Я. Н. Подземского, 1898. – [2], 2, 354 с.; *Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Со 2-го вып. общ. загл.: Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII столетий. – М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, Изд. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те; Унив. тип.; Синод. тип. 1881–1911. – 11 т.

памятникам того или иного региона, наряду со сборниками Императорской археологической комиссии².

Первые подступы к изучению разнообразия типов русской храмовой архитектуры XVIII – первой четверти XIX в. были сделаны ещё в дореволюционный период в трудах И. Э. Грабаря³, Г. К. Лукомского⁴ и Ф. Ф. Горностаева⁵.

Межвоенный период советской эпохи отмечен выходом ряда важных работ по теме ротондальных храмов XVIII в. А. И. Некрасова⁶ и М. А. Ильина⁷. В послевоенный период вышел коллективный сборник о В. И. Баженове⁸, где были опубликованы некоторые важные церковные памятники, а также диссертация И. Р. Федосеевой⁹ о ротондах М. Ф. Казакова. Тема храмовой архитектуры затрагивалась в связи с монографическим изучением творчества отдельных зодчих: И. Е. Старова¹⁰, М. Ф. Казакова¹¹, Н. А. Львова¹², В. П. Стасова¹³, Дж. Кваренги¹⁴, и др. Также некоторые храмовые постройки попадали в поле зрения авторов, писавших на тему архитектуры русской усадьбы¹⁵.

Позднесоветский период ознаменован развитием изучения и охраны наследия. Началась программа паспортизации архитектурных сооружений по

² Известия императорской археологической комиссии (ИИАК). СПб.–Пг., 1901–1918. – 66 т.

³ *Грабарь И. Э.* История русского искусства. – М.: издание И. Кнебель, [1910–1913]. – 5 т.

⁴ *Лукомский Г. К.* Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. Часть первая. Русская провинция. – Пг.: изд. «Шиповник», 1916. – 393, [9], XXVII с.

⁵ *Горностаев Ф. Ф.* Дворцы и церкви Юга. М.: Образование, 1914. – 95 с., [30] л. ил.

⁶ *Некрасов А. И.* Византийское и русское искусство. – М.: Гос. универс. маг., 1924. – 209 с.; *он же.* Забытая подмосковная «Пехра-Яковлевское». – М.: Рос. ассоциация науч.-исслед. ин-тов общественных наук, 1925. – 47 с.; *он же.* Архитектура Истры и ее значение в общем развитии русского зодчества // Ежегодник Музея архитектуры. 1936. Вып. 1. – М., 1937. – С. 9–51; *он же.* Московский ампиризм. – М.: ИЗОГИЗ, 1935. – 126, [2] с.

⁷ *Ильин М. А.* Наследие Палладио и русская архитектура конца XVIII века // Архитектура СССР. – 1938. № 10. – С. 35–40; *он же.* Николо-Погорелое (к 200-летию со дня рождения Ф. И. Шубина) // Архитектура СССР. – 1941. № 1. – С. 61–65; *он же.* Опыт аннотированного указателя архитектурного наследия Казакова // Архитектура СССР. – 1938. № 10. – С. 17–34.

⁸ Неизвестные и предполагаемые постройки В. И. Баженова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 291 с.

⁹ *Федосеева И. Р.* Ротонды Казакова. (Исследование центральных сооружений русского классицизма на примере творчества Казакова): автореф. дис. ... канд. архитектуры. – М., 1952. – 24 с.

¹⁰ *Белых Н., Петров А.* Иван Старов. Материалы к изучению творчества. – М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1950. – 178, [2] с.

¹¹ *Власюк А. И., Каплун А. И., Кипарисова А. А.* Казаков. – М.: Госстройиздат, 1957. – 371 с.

¹² *Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова А. М.* Архитектор Н. А. Львов. – М.: Госстройиздат, 1961. – 184 с.

¹³ *Пилявский В. И.* Стасов архитектор. – Л.: Госстройиздат: Ленингр. отд-ние, 1963. – 251 с.

¹⁴ *Пилявский В. И.* Джакомо Кваренги. Архитектор. Художник. – Л.: Стройиздат: Ленингр. отд-ние, 1981. – 212 с.

¹⁵ *Тихомиров Н. Я.* Архитектура подмосковных усадеб. – М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1955. – 352 с.

всему СССР. С 1970-х по 2020-е гг. постепенно выходят в свет каталоги и своды памятников архитектуры по разным регионам¹⁶. К тому же типу литературы следует отнести более узко-тематические публикации по храмам разных регионов, которые стали выходить после 1991 г.¹⁷

Весьма информативны для своего времени были научно-популярные издания по памятникам русской провинции, выпускавшиеся в сериях: «Архитектурно-художественные памятники городов СССР» и «Дороги к прекрасному». По некоторым регионам эти издания до сих пор являются весьма актуальными. В 1990-е гг. появился большой пласт краеведческой литературы по храмам разных регионов.

В результате работы сектора Свода памятников Государственного института искусствознания был введен в научный оборот колоссальный пласт ранее не известных объектов. Это потребовало более систематического осмысления нового материала. Большой вклад в изучение типологии храмовой

¹⁶ По Санкт-Петербургу и окрестностям: Памятники архитектуры Ленинграда. – Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1975. – 574 с.; Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. – Л.: Стройиздат: Ленингр. отд-ние, 1983. – 615 с.; *Гоголицын Ю. М., Гоголицына Т. М.* Памятники архитектуры Ленинградской области. – Л.: Стройиздат: Ленингр. отд-ние, 1987. – 303 с.; Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. Справочник / Отв. ред. Б. М. Кириков. – СПб.: АльтСофт, 2000. – 245 с.

По Москве и Подмосковию: Памятники архитектуры Московской области. Каталог в двух томах. / Под общ. ред. Е. Н. Подъяпольской. – М.: Искусство, 1975. – 2 т.; Памятники архитектуры Московской области. Иллюстрированный каталог. / Под общ. ред. Е. Н. Подъяпольской. – Вып. 1. – М.: Стройиздат, 1998. – 286, [1] с.; вып. 2. – М.: Стройиздат, 1998. – 319 с.; вып. 3. – М.: Стройиздат, 1999. – 303 с.; вып. 4. – М.: «МОК центр», 2009. – 309 с.; Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. – М.: Искусство, 1982. – 503 с.; Белый город. – М.: Искусство, 1989. – 379 с.; Земляной город. – М.: Искусство, 1989. – 351 с.; Замоскворечье. – М.: Искусство, 1994. – 317 с.; Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII века (от Земляного до Камер-Коллежского вала). – М.: Искусство, 1998. – 423 с.; Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII века (от Земляного до Камер-Коллежского вала). – М.: Искусство, 2000. – 342, [1] с.; Окрестности старой Москвы (северо-западная и северная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города). М.: Искусство–XXI век, 2004. – 294, [1] с.; Окрестности старой Москвы (юго-восточная и южная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города). – М.: Искусство–XXI век, 2007. – 356 с.

По регионам России: Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. – М.: Наука, 1998 - 638, [2] с.; Владимирская область. Ч. 1–3. – М.: Наука, Индрик, Academia, 2004–2017; Ивановская область. Ч. 1–3. – М.: Наука, 1998–2000; Смоленская область. – М.: Наука, 2001. – 644, [2] с.; Тверская область. Ч. 1–4. М.: Наука, Индрик, Academia, 2003–2015; Рязанская область. Ч. 1–2. – М.: Индрик, ГИИ, 2012–2020; Памятники архитектуры Костромской области. Вып. 1–11. – Кострома, 1996–2009; Липецкая область. Каталог объектов культурного наследия. – М.: НИИЦентр, 2008. – 280 с.; Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Т. 1. Административные районы. – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1999. – 460 с.; и др.

¹⁷ *Паламарчук П. Г.* Сорок сороков. Сорок сороков: краткая иллюстрированная история всех московских храмов: [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. – М.: АО «Книга и бизнес», АО «Кром», 1992–1995. – 4 т.; *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. – СПб.: Лики России; Фонд «Спас», 2010. – 511 с.; Православные храмы и монастыри Харьковской губернии 1681–1917. Альбом-каталог. / Авт.-сост. А. Парамонов. – Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2007. – 346, [2] с.; и др.

архитектуры XVIII–XIX вв. внёс В. И. Плужников¹⁸, разработавший оригинальный метод анализа объёмно-пространственных композиций храмов на основе планировки и конструкции их венчающих частей.

Ближе к концу XX в. вышел фундаментальный труд Н. А. Евсиной¹⁹, посвящённый архитектурной теории в России XVIII в. (в двух книгах). Двухтомник Евсиной крайне важен с точки зрения методологии поиска зарубежных источников, которые могли вдохновлять архитекторов и заказчиков эпохи Просвещения в России. Позднее интерес к зарубежным влияниям на русскую архитектуру нашёл отражение в работах А. А. Ароновой²⁰, М. Н. Микишатъева²¹ и др. В статьях Л. А. Перфильевой²² было раскрыто влияние увражей Неффоржа на архитектуру русского классицизма.

В 1980-х–2020-х гг. изучению храмовой архитектуры России XVIII в. уделялось всё большее внимание исследователей. Среди статей, где затронута тема ротондальных сооружений, следует упомянуть ряд публикаций,

¹⁸ Плужников В. И. Типологические изменения в русской архитектуре первой половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 18.00.01. – М., 1974. – 28 с.; *он же*. Соотношение объёмных форм в русском культовом зодчестве начала XVIII в. // Русское искусство первой четверти XVIII века. Под ред. Т. В. Алексеевой. М., 1974. С. 81–108; *он же*. Объёмные композиции культовых построек Орловской области // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. / Сб. статей под ред. В. П. Выголова. М., 1980. С. 182–214; *он же*. Типология объёмных композиций в культовом зодчестве конца XVII – начала XX в. на территории Брянской области // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки / Сб. статей под ред. В. П. Выголова. М., 1983. С. 157–199; *он же*. К вопросу о пространственной структуре интерьеров в каменных храмах XVIII и XIX веков на Смоленщине // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Пространство и пластика / Сб. статей под ред. В. П. Выголова. М., 1991. С. 162–190; *он же*. Русские лепестковые церкви – конвергентный аналог центрических храмов древнего Закавказья // Архив наследия. Вып. 14. М.: Институт наследия, 2015. С. 321–336.

¹⁹ Евсина Н. А. Из истории архитектурных взглядов и теории начала XVIII века // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. М., 1974. С. 9–26; *она же*. Архитектурная теория в России XVIII в. – М.: Наука, 1975. – 262 с.; *она же*. Архитектурная теория в России второй половины XVIII – начала XIX века. М.: Наука, 1985. – 255, [1] с.

²⁰ Аронова А. А. Архитектурные связи России с Северной Европой в последней четверти 17 – первой четверти 18 вв.: дис. ... канд. искусствоведения: 18.00.01. – М., 1993. – 261 с.; *она же*. Отношение к наследию А. Палладио в русской архитектурной практике первой трети XVIII века // Палладио и классическая традиция. / Отв. ред. И. Е. Путятин. – М.: Издательство «Перо», 2014. – С. 277–298.

²¹ Микишатъев М. Н. Голландия и Россия: к вопросу отражения культурных контактов в русской архитектуре конца XVII – начала XVIII века // Архитектура мира. Вып. 2. – М., 1993. – С. 31–38; *он же*. Библиотека Петра Великого и русская архитектура Петровского времени // Петербургские чтения – 96: Ассоциация исследователей Санкт-Петербурга. – СПб., 1996. – С. 68–71; *он же*. «Нарышкинский стиль» и русская архитектура конца XVII века (к проблеме «переломов» в общественном и художественном развитии) // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 6: Переломы эпох. – М., 2005. – С. 197–236; *он же*. Черты общности в развитии архитектуры России и стран Центральной Европы периода перехода от Средневековья к Новому времени // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 6: Переломы эпох. – М., 2005. – С. 125–157.

²² Перфильева Л. А. Архитектурные увражи Ж. Ф. Неффоржа и практика усадебного строительства // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 4 (20). – М.: Издательство «Жираф», 1998. – С. 270–302; *она же*. «Французский вкус» в русской усадьбе последней трети XVIII века // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 9 (25). – М.: Издательство «Жираф», 2003. – С. 200–218.

посвящённых отдельным храмам либо группам памятников: А. Г. Борис²³, В. П. Выголова²⁴, В. В. Зубарёва²⁵, В. В. Кириллова²⁶, А. И. Михайлова²⁷, М. В. Николаевой²⁸, Е. А. Шорбан²⁹, Е. Г. Щёболевой³⁰. Особо отметить две программные статьи Н. Ф. Гуляницкого³¹, посвящённые особенностям храмостроения периода классицизма в московской архитектурной школе конца XVIII в. и главному источнику по церковному зодчеству данного периода – т. н. «Смешанному» альбому (настоящее название «Architectura-2») из собрания ГНИМА. Теме двухколоколенных (двухбашенных) храмов периода классицизма, среди которых есть и ротонды, посвящены статьи А. В. Чекмарёва³² и Ю. Г. Клименко³³. В начале XXI в. вышло несколько статей по теме храмов-

²³ Борис А. Г. К вопросу об авторстве церкви в Быкове. // Архитектурное наследство. – 1995. Вып. 38. – С. 389–395.

²⁴ Выголов В. П. Неизвестная постройка В. И. Баженова в Белозерске // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки / Сб. статей под ред. В. П. Выголова. – М., 1983. – С. 131–156.

²⁵ Зубарёв В. В. Храм-ротонда в селе Подмоклово // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Пространство и пластика / Сб. статей под ред. В. П. Выголова. – М., 1991. – С. 108–122.

²⁶ Кириллов В. В. Классические тенденции формообразования в архитектуре Подмосковья петровского времени // Русский Классицизм. – М., 1994. – С. 22–23; *он же*. Архитектура Москвы на путях европеизации. От обновлений последней четверти XVII века к петровским преобразованиям. М.: УРСС, 2000. – 120 с.

²⁷ Михайлов А. Подмокловская ротонда и классические веяния в искусстве петровского времени // Искусство. – 1985. № 9. – С. 64–70.

²⁸ Николаева М. В. К истории строительства церкви Рождества Богородицы в селе Подмоклово // Архитектурное наследство. – 1996. Вып. 40. – С. 68–69.

²⁹ Шорбан Е. А., Зубарёв В. В. Церковное строительство «мосальских меценатов» Хлюстиных во второй половине XVIII – первой трети XIX в. // Памятники архитектуры и монументального искусства XVI–XX вв. Вып. 7. – М., 2005. – С. 208–241; Шорбан Е. А. Неизвестный памятник московской архитектурной школы конца XVIII в. – церковь села Растворова в Калужской губернии // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв. Вып. 8. – М., 2010. – С. 465–483.

³⁰ Щёболева Е. Г. Центрические храмы с треугольным планом в Костромской и Ярославской областях // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. XII–XX вв. Вып. 8. – М., 2010. – С. 509–524.

³¹ Гуляницкий Н. Ф. Сборник чертежей в «Смешанном» альбоме М. Ф. Казакова // Матвей Фёдорович Казаков и архитектура классицизма. – М., 1996. – С. 50–57; *Он же*. Скорбященская церковь в Москве и особенности храмостроения в творчестве В. И. Баженова и М. Ф. Казакова. // Там же. – С. 58–68.

³² Чекмарёв А. В. Майорат Чернышёвых как архитектурно-градостроительный замысел // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ). Вып. 5 (21). – М., 1999. – С. 300–311; *он же*. Двухколоколенные храмы в усадьбах графа П. А. Румянцева-Задунайского // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 12 (28). – М., 2006. – С. 537–563; *он же*. Троицкий собор Александро-Невской лавры как иконографический образец // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 7. Санкт-Петербург и архитектура России. – М., 2007. – С. 317–362; *он же*. Двухколоколенные храмы Д. Кваренги: Опыт интерпретации Палладио и барочных традиций Академии Сан Лука // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 13–14 (29–30). – М., 2008. – С. 617–652; *он же*. Постройки Н. А. Львова и его круга в провинции. Новые открытия // Архитектурное наследство. – 2009. Вып. 50. – С. 255–279; *он же*. Дугино Паниных // Знаменитые усадьбы Смоленщины. Смоленск, 2011. – С. 70–93; *он же*. Неизвестные произведения семьи Жилярди в России // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 17 (33). – СПб., 2012. – С. 192–247; *он же*. Двухбашенные храмы Слобожанщины: трансформация украинской типологии в XVIII – начале XIX вв. // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 18 (34). – М.–СПб., 2013. – С. 277–311; *он же*. Неизвестный шедевр Доменико Жилярди // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 23 (39). – СПб., 2018. – С. 287–318; *он же*. Храм несостоявшегося фаворита Екатерины Великой // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 24 (40). – СПб., 2018. – С. 147–169.

³³ Клименко Ю. Г. Петербург и московские двухбашенные храмы XVIII века // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 7. Санкт-Петербург и архитектура России. – М., 2007. – С. 363–408; *она же*. От античных

ротонд А. А. Ароновой³⁴, А. Б. Никитиной³⁵ и И. Н. Слюньковой³⁶. Две диссертации, несколько монографий и ряд статей по теме русской храмовой архитектуры эпохи Просвещения выпустил И. Е. Путятин³⁷. В 2019 вышла монография Д. В. Крюкова³⁸ о храме в селе Подмоклово.

В 1990-е–2010-е гг. были написаны несколько диссертаций на тему храмового зодчества русской провинции, в которых был выявлен и проанализирован обширный материал. Среди наиболее значительных можно отметить работы: Я. В. Ои по храмам Пензенской губернии³⁹, Л. К. Масиеля Санчеса по храмам Сибири⁴⁰, диссертации В. А. Каравашкина⁴¹ и М. С. Шумилкина⁴² по Нижегородской области, работу И. Ю. Поздняковой о храмах Тамбовщины⁴³.

Ротондальные храмы стали в недавнее время объектом двух диссертационных исследований. Работа Л. В. Шаталиной 1993 г.⁴⁴ посвящена

мавзолеев к ротондальным постройкам эпохи классицизма. Генезис архитектурной формы и конструкции // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. – СПб., 2015. Вып. 5. – С. 530–539.

³⁴ Аронова А. А. Церковь Рождества Богородицы в селе Подмоклово князя Г. Ф. Долгорукова: к вопросу об источниках архитектурного проекта // Петровское время в лицах – 2015: материалы научной конференции. Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXX–VIII. – СПб., 2015. – С. 55–64.

³⁵ Никитина А. Б. Храмы-ротонды Николая Львова // Н. А. Львов. Жизнь и творчество: Ч. IV. Новые материалы (дополнение к сказанному). Сборник статей исследователей творчества А. Н. Львова. – Вышний Волочёк, 2013. – С. 28–51.

³⁶ Слюнькова И. Н. Андреа Палладио и тема ротонды в русской архитектуре классицизма // Палладио и классическая традиция. / Отв. ред. И. Е. Путятин. – М.: Издательство «Перо», 2014. – С. 390–402.

³⁷ Путятин И. Е. Архитектура русских усадебных церквей в эпоху классицизма: На примере Подмосковья: дисс. ... канд. архитектуры: 18.00.01. М., 1998. – 273 с. + Прил. (159 с.: ил.); *он же*. Русская церковная архитектура эпохи классицизма, идеи и образы: дис. ... докт. искусствоведения: 17.00.04. – М., 2011. – 264 с. + Прил. (с. 265–424) + Прил. (276 с.: ил.); *он же*. Образ русского храма и эпоха Просвещения. – М.: Гнозис, 2009. – 416 с.; *он же*. Этюды по интерпретации архитектуры эпохи классицизма 2003–2010. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 128 с.; *он же*. Образ храма русского ампира. – М.: Памятники исторической мысли, 2013. – 202, [1] с.; *он же*. О действительных источниках и смыслах церкви-усыпальницы в Никольском-Черенчицах и о мифологии «храма солнца» // Н. А. Львов. Жизнь и творчество: Ч. IV. Новые материалы (дополнение к сказанному). Сборник статей исследователей творчества А. Н. Львова. – Вышний Волочёк: Изд-во «Ирида-прос», 2013. – С. 190–211; и др.

³⁸ Крюков Д. В. Об идейном замысле церкви Рождества Богородицы с. Подмоклово. – М.: Институт Наследия, 2019. – 208 с.

³⁹ Оя Я. В. Архитектура храмов Пензенской губернии в XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01. – М., 2000. – 232 с.

⁴⁰ Масиель Санчес Л. К. Каменные храмы Сибири XVIII века: эволюция форм и региональные особенности: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. – М., 2003. – 245 с.

⁴¹ Каравашкин В. А. Каменное храмовое зодчество Нижегородской губернии XVIII века: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01. – Н. Новгород, 2007. – 208 с.; См. также: Каравашкин В. А., Шумилкин С. М. Каменное храмовое зодчество Нижегородской губернии XVIII века. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2011. – 170 с.

⁴² Шумилкин М. С. Архитектура нижегородских монастырей XVIII – начала XX вв.: дис. ... канд. архитектуры: 05.23.20. – Н. Новгород, 2013. – 210 с.

⁴³ Позднякова И. Ю. Церковная архитектура Тамбовской епархии в синодальный период: дис. ... канд. архитектуры: 05.23.20. – М., 2011. – 349 с.

⁴⁴ Шаталина Л. В. Ротондальные формы в архитектуре европейского неоклассицизма: дис. ... канд. искусствоведения: 07.00.12. – М., 1993. – 313 с.

ротондам периода неоклассицизма в Европе и России XVIII – начала XIX в. Генезис и типология русских ротондальных храмов принципиально не входили в задачи этой работы, оставляя потенциал для дальнейшего исследования. Работа 2010 г. О. Б. Терёшиной⁴⁵ затрагивает типологию уральских ротондальных храмов периода классицизма и вопросы их атрибуции.

Литература по теме свидетельствует о подлинном интересе учёных к данной проблематике. Вместе с тем, существующие исследования далеко не полностью раскрывают проблемы генезиса типологии ротондальных храмов в России, их формообразования и распространения, а также их архитектурного контекста, аналогов и прототипов.

Объект исследования

Русские церковные постройки (каменные) XVIII – первой четверти XIX в. (православные храмы, в исключительных случаях католические храмы и мечети) с архитектурной композицией на основе ротонды, а также родственные ротонде типы планировочных схем: октогоны, октоконхи, многолепестковые композиции и треугольные храмы на основе ротонды. Изредка для анализа привлекаются светские сооружения.

Предмет исследования

Типология и иконография ротондальных и близких к ним храмов России XVIII – первой четверти XIX в.

Цель исследования

Выявить системные закономерности в развитии русских ротондальных храмов и близких к ним типов в аспекте взаимодействия двух основных композиционно-планировочных схем – центрической и продольной.

⁴⁵ Терёшина О. Б. Ротондальные храмы Урала: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. – Екатеринбург, 2010. – 179 с.

Задачи исследования

- Хронологическая и типологическая систематизация ротондальных храмов России XVIII – первой четверти XIX в.
- Выявление взаимосвязей между отдельными памятниками, типологических либо иконографических рядов.
- Постановка памятников в контекст русской и зарубежной архитектуры своего времени; поиск аналогов и прототипов.
- Выяснение обстоятельств зарождения той или иной иконографии храмов с композицией на основе ротонды.
- Выявление эволюции образно-стилистических и композиционно-типологических особенностей ротондальных храмов России XVIII – первой четверти XIX в.
- Поиск причин большего или меньшего распространения того или иного типа ротондальных и близких к ним построек, а также путей этого распространения. Анализ феномена популярности в России храмов-ротонд и близких к ним центрических композиций в указанный период.

Хронологические рамки исследования

Исследование охватывает период с рубежа XVII–XVIII вв. до первой четверти XIX в. Нижняя граница связана с датой переосвящения в 1690 г. одного из древнейших центрических храмов Москвы – собора Высоко-Петровского монастыря (XVI в.). Верхняя граница несколько размыта и обусловлена выходом гравированных изданий образцовых проектов храмов 1824 и 1829 гг. В отдельных случаях допускается выход за верхнюю границу. Широкие хронологические рамки позволяют проследить сравнительно длительные процессы существования и трансформации устойчивых типов композиций на примере разных групп памятников.

Территориальные границы исследования

География исследования включает следующие регионы РФ: Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Астраханская, Архангельская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Калужская, Кировская, Костромская, Курская, Липецкая области, респ. Мордовия, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Пензенская области, Пермский край, Псковская, Ростовская, Рязанская, Саратовская, Самарская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская области, респ. Татарстан, Тверская, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области. Также привлечены отдельные памятники Белоруссии, Украины и Финляндии (входивших в состав Российской империи). Широкий географический охват обеспечивает максимально возможную на данном этапе исследования репрезентативность.

Источниковая база исследования

Базовыми письменными источниками для датировок памятников и информации об их заказчиках являются дореволюционные издания историко-статистических описаний епархий. Фактический материал заимствован также из метрик на храмы из архива ИИМК РАН. Среди федеральных и региональных архивов использовались фонды духовных консисторий отдельных епархий (ЦГА Москвы ОХД до 1917 г. (ЦИАМ), ГАПК, ГАПО, ГАРО, ГАТвО); также именные фонды Голицыных и Воронцовых (РГАДА); страховые описи церквей Хозяйственного управления Синода, фонды Горного департамента и канцелярии учреждений императрицы Марии, коллекция планов и чертежей гражданской архитектуры (РГИА); коллекция воспоминаний и дневников (РГАЛИ) и др.

Визуальные источники делятся на две группы: 1) проектная или фиксационная графика (чертежи) XVIII–XIX вв.; 2) фотографии и обмеры памятников конца XIX – начала XXI в. Большой массив источников был проработан в фондах ГНИМА (МУАР) им. А. В. Щусева (фототека, фонд архитектурной графики XVIII–XIX вв.). Также привлекались материалы из НИМ

РАХ (фонд архитектурной графики); ГИМ (ОПИ и ОАГр) и др. собраний. В ходе работы использовался Госкаталог музейных фондов РФ. Основной архивной базой по второй группе визуальных источников служил архив СПАМИР ГИИ МК РФ с паспортами памятников архитектуры, составленными за последнюю треть XX в.

Начиная с 2000-х гг. в сети Интернет появился новый обширный круг визуальных источников по храмовой архитектуре. Это сайты-каталоги православных храмов России «Храмы России» (temles.ru) и «Народный каталог православной архитектуры» (sobory.ru), где опубликованы не только современные фотографии церковных построек, но и уникальные снимки храмов, утраченных во время Великой Отечественной войны и в годы советской власти. Также многие старинные фотографии по теме почерпнуты на сайтах citywalls.ru; pastvu.com; old-churches.ru и др.

Для анализа зарубежных аналогов русским ротондальным храмам и поиска возможных прототипов русских проектов привлечены иностранные архитектурные журналы, сборники гравированных чертежей и пр., которые могли быть доступны русским заказчикам и архитекторам рассматриваемого периода.

Среди источников подобного рода можно назвать и классические итальянские трактаты эпохи Ренессанса – Альберти, Серлио и Палладио, – и менее известные книги Дж.-Б. Монтано или Дж. Лауро. Яркими образцами эпохи барокко были труды итальянского учёного-монаха А. Поццо; а также книги немецкого математика Л. К. Штурма. Из французских источников следует упомянуть книги Ж. Моро, К. Шатильона; трактаты по истории античной архитектуры А. Дегоде и Б. де Монфокона; классическую энциклопедию французской «современной» архитектуры XVIII в. Ж.-Ф. Блонделя; и популярнейший в России последней трети XVIII в. многотомный «Сборник архитектуры» Ж.-Ф. де Неффоржа.

Русская архитектурная мысль конца XVIII – начала XIX в. также породила несколько важных иконографических источников по церковному зодчеству. Бесценным источником конца XVIII в. является так называемый «Смешанный»

альбом «Architectura-2» (ГНИМА), чудом сохранившийся в пожаре Москвы 1812 г. Собрание разнообразных чертежей в основном посвящённых архитектуре храмов, было частью комплекта из трёх альбомов (второй также в ГНИМА, третий – в ГМЗ «Архангельское») и, по всей видимости, связано с чертёжной Экспедиции кремлёвского строения в Москве (ЭКС). Чертежи, собранные в альбоме, отражают процесс обучения молодых архитекторов в чертёжной при Экспедиции. Многие из них – ученические копии известных проектов, другие – вероятно, самостоятельные работы учеников. Аналогичные разрозненные проекты церквей (в большинстве трудно поддающиеся атрибуции) хранятся в собрании музея Академии художеств (НИМ РАХ), не составляя однако единого комплекта.

Первые полноценные издания гравированных чертежей, посвящённых храмовой архитектуре, появились в России в начале XIX в. Три главных издания такого рода, затрагиваемые в исследовании, это увраж Л. Руска 1810 г., собрание «образцовых» проектов церквей 1824 г. и увраж А. С. Кутепова 1829 г. Они совпадают с завершающей стадией развития русских ротондальных храмов.

Методика исследования

Методика основана на сравнительном, типологическом и иконографическом анализе памятников архитектуры, позволяющем выявлять истоки происхождения тех или иных архитектурных форм, а также взаимосвязи между отдельными памятниками. Отдельные объекты систематизируются на основе типологической близости. В тех случаях, когда проясняется влияние конкретных образцов, можно говорить о формировании иконографии.

* Для типологической систематизации применён метод сравнительного анализа объёмно-пространственных композиций и планов храмовых построек. Сходные по одному или нескольким признакам композиции объединены в группы и типологические ряды, в рамках которых проведён дальнейший поиск с целью обнаружить конкретные иконографические линии, основанные на генетической связи отдельных памятников.

* Для выявления эволюционных закономерностей в развитии храмов-ротонд использован метод хронологического распределения обширного материала, прослеженного на достаточно большом промежутке времени. Хронологическое деление на периоды, применённое в работе, увязано с крупными стилевыми волнами русской архитектуры, которые постепенно сменяли одна другую в течение XVIII – первой четверти XIX в.

* Для уяснения причин и путей зарождения иконографии отдельных сооружений в ходе исследования был проведён тщательный поиск возможных источников и прототипов, а также близких или отдалённых конвергентных аналогов русским храмовым постройкам среди архитектуры Европы. Для этого в исследовании был привлечён широкий исторический и архитектурный контекст. Если в большинстве случаев документально доказать истоки той или иной иконографии не представляется возможным, то контекст призван расширить представление о конкретных памятниках и показать их место среди сходных явлений иных культур.

* По большинству сохранившихся объектов проводилось натурное обследование (кроме тех, которые по ряду причин были недоступны), чему способствовала более чем десятилетняя работа в экспедициях Свода памятников.

Научная новизна исследования

- Обнаружен и систематизирован в хронологическом и типологическом аспектах максимально репрезентативный материал – 382 ротондальных храма (а также их проекты) России XVIII – первой четверти XIX в. Ряд памятников впервые введён в научный оборот.

- Выявлены взаимосвязи между отдельными памятниками. В некоторых случаях храмы выстраиваются лишь в обобщённые типологические ряды, в других – удаётся выявить иконографическое родство между памятниками и достоверно утверждать о влиянии одних на другие.

- Большинство памятников поставлено в широкий архитектурный контекст (европейский и русский); некоторым из них удалось найти близкие аналоги и возможные прототипы.
- В ряде случаев удалось объяснить причины зарождения той или иной иконографии ротондальных храмов, связанные в каждом конкретном случае с влиянием одного или нескольких иконографических образцов.
- На примере большого круга памятников показана эволюция образно-стилистических и композиционно-типологических особенностей ротондальных храмов России XVIII – первой четверти XIX в.
- Выяснены причины распространения иконографии некоторых наиболее популярных ротондальных и близких к ним типов построек, а также пути этого распространения. Причины эти нередко связаны с политикой, поскольку популярный архитектурный образец обычно ассоциировался с образом правящего монарха либо был вызван к жизни его вкусами. Также важную роль играли родственные связи заказчиков. Сделана попытка интерпретировать феномен распространения в России храмов-ротонд и близких к ним центрических композиций в указанный период.

Теоретическая и практическая значимость исследования

В результате исследования был систематизирован большой массив историко-архитектурного материала. Введён в научный оборот ряд малоизвестных ранее памятников, другие давно известные объекты получили новую интерпретацию, ставящую их в широкий контекст мировой и русской архитектуры и выявляющую взаимосвязи между разными памятниками. Полученные в результате исследования выводы во многом проясняют картину русского храмостроения XVIII – первой четверти XIX в., подтверждая тезис о том, что в основе метода проектирования лежало копирование образцов. Исследование позволяет реконструировать те образы и идеи, которые ассоциировались у современников с ротондами. В целом исследование вносит

значительный вклад в методологию изучения русской церковной архитектуры и шире – архитектурного наследия России.

Материалы работы могут быть востребованы в научно-исследовательской сфере, как база для дальнейшего углублённого изучения данной тематики; в образовательной сфере преподавателями по истории архитектуры, искусства, культурологи; в практической сфере специалистами в области изучения и охраны объектов культурного наследия, а также архитекторами-практиками. Благодаря широкому географическому охвату содержание работы может быть полезно краеведам в изучении отдельных регионов, а также при разработке лекционных курсов, экскурсионных маршрутов и других просветительских мероприятий, связанных с популяризацией истории русской архитектуры. Это особенно актуально в последние десятилетия в связи с развитием внутреннего туризма и патриотического воспитания молодёжи.

Апробация исследования

Положения диссертации пять раз обсуждались на секторе Свода памятников архитектуры ГИИ. Отдельные результаты исследования легли в основу ряда статей и публикаций, а также коллективных трудов. Обобщённые результаты исследования вошли в текст главы, посвящённой церковному зодчеству русской провинции последней трети XVIII в. в 13 томе Истории русского искусства (совместно с Е. Г. Щёболевой и Л. К. Масиелем Санчесом). По результатам написания данной работы был прочитан курс лекций «Храмовая архитектура русской провинции XVIII века» в Государственном институте искусствознания (2017).

Результаты исследования отражены в научных докладах на более чем 20-ти конференциях: «Архитектурное наследие» (Москва, 2008–2019), «Актуальные проблемы теории и истории искусства» (Москва, С.-Петербург, 2011–2020), «Болотцевские чтения» (Ярославль, 2013), «Давидовские чтения» (Москва, 2012–2020), «Феофановские чтения» (Москва – Свято-Успенский Вышенский монастырь – Тамбов, 2012), «Филёвские чтения» (Москва, 2010–2012),

«Яхонтовские чтения» (Рязань, 2014). По теме диссертации автором выпущено 10 статей общим числом 10,9 а./л., из них 3 – в сборниках, входящих в базу SCOPUS, 7 – в журналах, рекомендованных ВАК.

На защиту выносятся следующие положения

1) Центрические и ротондальные композиции появились в храмовой архитектуре России в петровскую эпоху, на рубеже XVII–XVIII вв. под влиянием европейской архитектуры и европейских образцов. Однако в памятниках петровской эпохи ощутимо воздействие древнерусских прототипов. Два памятника древнерусской архитектуры – собор Высоко-Петровского монастыря (1514–1517) и собор Новоиерусалимского монастыря (нач. в 1656), – благодаря своей исключительности, не могли быть осмыслены и поняты современниками сразу после своей постройки и стали объектами для непосредственного подражания лишь в XVIII в.

2) Распространение центрических архитектурных композиций в провинции определялось тиражированием популярных столичных образцов.

3) Появление двух и более копий или близких повторений одного иконографического образца играло ключевую роль в сложении определённого типа ротондальных композиций. В дальнейшем повторения могли быть менее точными: это были свободные творческие вариации изначальной схемы либо вторичные реплики, отталкивавшиеся от других повторений.

4) Эволюция композиционно-планировочных схем ротондальных храмов шла нелинейно и волнообразно, что было связано с обращением к разным иконографическим образцам, выдвигавшимся на первый план в разные эпохи.

5) Ранние образцы центрических храмов петровской эпохи представляют собой «гибридные», а не «чистые» композиции, соединяя в сложной схеме плана такие фигуры, как круг, октогон, многолистник и греческий крест. Примечательно также, что на закате развития центрических типов храмов вновь обрела актуальность идея соединения в единой структуре разных фигур.

6) «Чистые» идеально круглые храмы-ротонды в первой половине XVIII в. были единичным почти исключительным явлением. Они стали тиражироваться лишь в конце столетия, благодаря популярности античных образцов.

7) В большинстве случаев русские храмы-ротонды включались в продольно-осевую композицию. Причиной этого было неудобство центрической композиции для богослужения летом и зимой. Необычные типы треугольных и трёхротондальных храмов воспринимались русскими архитекторами как возможный компромисс между красивой, но неудобной центрической формой и традиционной прагматичной продольной планировкой.

8) В семантике храмов-ротонд важную роль играло ярко выраженное персональное начало, а сам образ ротонды (подразумевающий много смысловых трактовок) нередко был связан с идеей прославления личности (будь то мученик христианского, мавзолей светского заказчика, либо храм-памятник в честь исторической личности или события). В конце XVIII в. определённое влияние получили масонские идеи, для которых был важен образ круглого храма. Семантика ротонды и связанная с ней идея индивидуализма, является одной из причин того недоверия, с которым воспринимает данную архитектурную форму традиционное религиозное сознание.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка сокращений, библиографии и примечаний. Главы состоят из нескольких разделов. Наиболее объёмная и содержательная третья глава разбита на большие хронологические разделы и мелкие тематические рубрики.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования и показана степень разработанности темы, определены: объект, предмет, цель и задачи, хронологические и территориальные рамки исследования, источниковая база и методология. Обозначена научная новизна, представлена теоретическая и

практическая значимость исследования, определены положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Центричность и продольность в архитектуре. Определение. Теоретическое обоснование антиномии. Символика круга, семантика ротонды.

В *первом разделе первой главы* дано определение центрической композиции в архитектуре и рассмотрена геометрия круглых и близких к ним центрических сооружений. Центрическим следует называть сооружение, план которого имеет в основе окружность или правильный многоугольник, а объёмно-пространственная композиция симметрична относительно вертикальной оси, проходящей сквозь центр вписанной и описанной окружностей плана.

Во *втором разделе первой главы* теоретически обосновано различие центрической и продольной архитектурных композиций, как между двумя способами построения и восприятия пространства и шире – двумя разными картинками мира. Центрическая структура связана с идеей единичности, образами бесконечности и свободы. Продольная структура иерархична по природе и задаёт жёсткие рамки движения в определённом направлении, отрицая свободу движения. Для центрической структуры характерна вертикальная направленность, а для продольной – горизонтальная.

Третий раздел первой главы посвящён символике и образно-смысловому содержанию круга и ротондальных построек, начиная с античности и кончая эпохой Просвещения. Круг в философии Платона, Аристотеля, Николая Кузанского и др. ассоциировался с божественным совершенством и идеей вечности. В эпоху позднего Средневековья сформировался набор архитектурно-визуальных образов, связанных с Христианской мифологией. Ротонда стала почти обязательным атрибутом храма Соломона, или храма Премудрости. Причём в гравюрах из Библий и др. изображениях фантастические ротонды соединялись с мотивами реальных сооружений: мечети «Купол Скалы» и храма Гроба Господня в Иерусалиме. Опираясь на исследования Д. В. Крюкова, можно утверждать, что к

XVIII в. в России получил распространение панегирический образ-эмблема храма Премудрости в форме колонного моноптера. Большое влияние здесь оказали гравюры из немецких, голландских и итальянских Библий и книг религиозно-нравственного содержания.

Впоследствии, во время правления Екатерины Великой тема ротонды, как триумфальной эмблемы в честь императрицы, ассоциировавшейся с Минервой, получит новую жизнь в архитектуре. Помимо официального панегирического образа, тема храма Софии Премудрости присутствовала в масонской символике. Изображение круглого купольного храма, с портиком, колоннадой, или в форме моноптера, встречается на масонских грамотах, коврах и фартуках «запонах». Масоны сравнивали ложи с храмом, а храм с ульем, имевшим круглую форму. В утопическом сочинении «Путешествие в землю Офирскую» (1784) кн. М. М. Щербатов прямо пишет об идеальных храмах-ротондах, посвящённых Солнцу. Известно также описание временной декорации интерьера масонской ложи «Избранного Михаила» в Петербурге, составленное скульптором Ф. П. Толстым. Интерьер имел внутри колоннаду. В иносказательном смысле храм Премудрости понимался масонами как символ самосовершенствования личности или т. н. «работы над диким камнем». То есть, образ ротонды в данном контексте обретал еще один скрытый смысл.

Глава 2. Краткая история ротонд в мировой архитектуре. Основные иконографические образцы. Конвергенция, аналогия, прототип.

В *первом разделе второй главы* дан сжатый обзор самых значительных центрических сооружений мировой архитектуры, начиная с античности до начала XIX в., и приведены наиболее популярные иконографические образцы.

Во *втором разделе второй главы* теоретически рассмотрена проблема аналогов или прототипов в архитектуре. В каких случаях можно говорить о влиянии одних построек (или проектов) на другие, а в каких можно лишь констатировать их сходство и поместить произведение искусства в некий контекст. Редко можно документально доказать факт заимствования форм одного

памятника в другом. Но иногда можно говорить о связи сходных художественных явлений: например распространения центрических построек в итальянском Ренессансе и в России XVIII в. через влияние собора Высоко-Петровского монастыря, построенного выходцем из Италии Алевизом.

Третий раздел второй главы посвящён визуальным источникам ротондальных композиций для русских заказчиков и архитекторов XVIII в., которыми были многочисленные книги и гравюры.

Начиная с эпохи Ренессанса, в Европе были хорошо известны визуальные образы самых главных древнеримских ротонд. С. Серлио и А. Палладио включили в свои книги несколько круглых построек: Пантеон, храм Весты на Бычьем Форуме, храм Весты в Тиволи, Нимфей Минерва Медика, храм Бахуса (Санта-Костанца), мавзолей Ромула или Максенция, и др., а также ренессансную постройку – Темпьетто Донато Браманте. Благодаря исключительной популярности книг Серлио и Палладио, именно этот набор памятников стал впоследствии определяющим для иконографии ротонд в эпоху барокко и классицизма.

В XVII в. появлялись и другие издания с подлинными и фантазийными видами древнеримских сооружений, вдохновлявших любителей античности. Популярен был труд Дж. Лауро «Великолепие древнего города» (1612). В нём помещено множество гравюр с видами ротонд, часто весьма вольно трактованными. В этом же русле лежит увраж Дж.-Б. Монтано, изданный его учеником Дж.-Б. Сориа с набором причудливых проектов античных храмов, большею частью, воображаемых.

К рубежу XVII–XVIII вв. появились фундаментальные труды археологического направления, такие как «Постройки Античного Рима» А. Дегодэ, или энциклопедия «Объяснённая Античность» Б. де Монфокона. Известно, что эта книга была весьма популярна в России XVIII в. Впрочем, в ней было много рисунков, взятых у Монтано, Лауро и др. Таким образом она была проводником образцов из разных источников. Позднее к популярным образцам добавились гравюры Дж.-Б. Пиранези и картины Юбера Робера.

Параллельно с изучением и фиксацией памятников античности архитекторы эпохи барокко создавали свои проекты на тему ротонд. Весьма популярной была книга А. Поццо, в которой кроме прочего есть проекты ротондальных и центрических храмов. Важно отметить, что эта книга была известна хорошо в России со времён Петра Великого.

Другим источником для русских архитекторов были книги немецкого математика и теоретика архитектуры Л. К. Штурма. Среди них было много проектов центрических построек, в том числе и ротонд. Однако одной из главных идей прагматика Штурма была попытка рационализации центрической планировки и приспособления её для нужд протестантского богослужения. Нередко архитектор совмещал центрическую форму плана с продольной.

Вместе с развитием классицизма в Европе возросло количество увражей современных архитекторов, которые в своих проектах обращались к теме ротонд. Одним из подобных трудов XVIII в. был сборник Ж.-Ф. де Неффоржа, очень популярный в России. Многие его проекты развивают тему ротонды с колоннадой. Вольно трактованная иконография толоса часто совмещается с образом Пантеона.

Глава 3. История храмов-ротонд в России XVIII – первой четверти XIX века.

В основной главе в шести разделах хронологически прослежено зарождение, развитие и кульминация ротондальной типологии в храмовой архитектуре России XVIII–XIX вв. Ротонды в России вошли в обиход при Петре Великом. В допетровский период московской архитектуры существовал лишь уникальный пример ротонды в соборе Новоиерусалимского Воскресенского монастыря (1656–1666, 1679–1685). Этот пример не был сразу же осознан современниками как раз в силу своей уникальности.

Появление храмов-ротонд в России связано с заимствованием из Европы проектов, отразившихся в постройках, созданных сподвижниками Петра. Однако до середины XVIII в. ротонды были редким и эпизодическим явлением русской

архитектуры. Окончательное складывание этого архитектурного типа произошло лишь в 1770-х гг., в рамках классицизма. Именно тогда они стали *типичным явлением* и получили широкое распространение в провинции. При этом в рамках архитектурной иконографии храма-ротонды существовало несколько разных типов. В некоторых случаях представляется условным само деление на типы, которые могли быть сложным образом взаимосвязаны.

В период активного распространения в архитектуре России храмы-ротонды прошли определённый путь развития. Появившись в образе идеальных чисто центральных построек в первой половине XVIII в., ротонды очень скоро начали «обрастать» пристройками: трапезными и колокольнями. Эта тенденция ярко иллюстрирует неудобность идеальной ротондальной формы и односложного круглого пространства для богослужения, которая предполагает наличие иерархически выстроенной структуры из нескольких пространств, взаимосвязанных, но имеющих самостоятельное значение: алтарь, центральное (подкупольное) пространство с амвоном, второстепенные зоны притворов, трапезной, приделов и пр.

К концу XVIII в. в рамках зрелого классицизма делались разнообразные попытки создать сложный тип ротондального храма, соединяющего в себе разные по форме и назначению объёмно-пространственные элементы. Н. А. Львов разрабатывал виртуозные композиционные решения, сочетающие образ антикизирующей ротонды (типа храма в Тиволи, либо типа Пантеона) и многосоставную композицию плана с алтарным пространством и притвором. В Московской архитектурной школе выработался тип продольно-осевой многосоставной композиции с основой в виде храма-ротонды, к которой примыкала трапезная с колокольней.

В начале XIX в. усилилась тенденция к монументальности форм, и одновременно появились новые иконографические образцы. Важными стимулами к распространению ротонд в стиле ампира стали конкурсы архитектурных проектов для храмов-памятников: в Полтаве, в Саратове, в Москве. На

завершающем этапе развития ротонд вновь актуальными стали поиски идеально-центрической композиции.

В *первом разделе третьей главы* рассмотрены памятники нарышкинского стиля и раннего петровского барокко. Первым центрическим типом стали октоконхи – повторения собора Высоко-Петровского монастыря в Москве, возникшие как знак приверженности партии Нарышкиных и юного царя Петра. Другие ранние храмы, такие как Никольская церковь в Троекурове, храм в Любутске, храм в Рождества Богородицы в Марфине и церковь в селе Обидимо, совмещали ротондальную и крестообразную композицию. Наиболее яркие столичные памятники этой группы, вероятно, связаны с влияниями книжных и гравированных образцов, таких как проекты храмов С. Серлио или проект Микеланджело для церкви Сан Джованни деи Фьорентини в Риме. Отдельно рассмотрен храм в Подмоклове и его иконография. В завершении раздела речь идёт о неосуществлённых проектах храмов для Петербурга (училищный дом «Сад Петров») и Стрельны. В последнем впервые ротонда была включена в продольную композицию.

Второй раздел третьей главы посвящён ротондам периода зрелого барокко середины XVIII в., которые были довольно разнообразны. Чисто-центрические храмы в Троице-Сергиевой лавре и в селе Мошонки оттачивались от немецких барочных образцов. Отдельно продолжала существовать линия многолепестковых храмов (храмы в Курбе и Псовце). Влияние Петербурга сказалось в распространении типа пятиглавых ротонд наподобие купола Смольного собора Ф. Растрелли в таких памятниках, как зимний собор в Вологде, храмы в Бельском Устье и Ильи Пророка в Старице, церковь в Тельме.

В *третьем разделе третьей главы* рассмотрены памятники раннего классицизма и взаимодействие ротонд с другими типами храмовых композиций. Необычный тип двухколоколенных ротонд был связан с влиянием образов собора Александро-Невской лавры в Петербурге и Новоиерусалимского монастыря, а также с увражами Неффоржа (церкви в Пехре-Яковлевском, Св. Духа на Лазаревском кладбище в Москве, в Ивановском-Безобразове, Дугине, в Липецах,

в Самуйлове и др.). Крестообразные храмы на основе ротонды имели разные истоки, в т. ч. возможно влияние увража Монтано (церковь Гребневской Богородицы в Гребневе). Часто ротонда проявлялась как «скрытый» элемент продольной композиции и была спрятана внутри четверика (храмы в Заразах, Петровском-Княжищеве, Остафьеве, Ведном и др.). Необычный тип треугольных храмов на основе ротонды связан с отражением увражей Неффоржа и Штурма (церкви в Виноградове, Георгия на Всполье, Иванкове, Шушкодоме, Валуеве, Свиньине, Бобровке, Митькове и др.).

Самый краткий *четвёртый раздел третьей главы* посвящён памятникам направления псевдоготики. Готические ротонды были редки и нетипичны (церкви в Великой Топали, в Царёве). Храм в Царёве связан с влиянием храма в Быкове (В. И. Баженов, М. Ф. Казаков), сложная иконография которого навеяна множеством зарубежных источников, таких как церковь в Льеже и Кордуанский маяк во Франции. Сюда также включены псевдоготические памятники, где ротонда является скрытым элементом продольной композиции (церковь в селе Гусь Железный).

Пятый раздел третьей главы посвящён периоду зрелого классицизма. Вначале рассмотрено влияние на развитие ротонд в России образов античности, которые отразились в иконографии храмов-толосов, окружённых колоннадой (церкви на Пороховых и Троицы в Александровском в Петербурге, в Никольском-Черенчицах, Екатерины на Валдае, связанные с творчеством Н. А. Львова), или ротонд типа Пантеона (церковь в Николо-Погорелом, Сенат в Кремле, храмы Филиппа Митрополита и при Голицынской больницы М. Ф. Казакова, проект мавзолея Потёмкина И. Е. Старова, церкви в Диканьке и Вергунах Н. А. Львова и др.).

Популярность иконографии храма-толоса была напрямую связана с темой прославления императрицы Екатерины. Образ античной ротонды, окружённой колоннадой, ассоциировался с храмом Премудрости – Минервы, которая официально отождествлялась с правящей монархиней.

Необычность иконографии Пантеона заключалась в том, что она, пройдя через призму французских увражей М. Ж. Пейра, Ш. Марешо, Ж.-Ф. Неффоржа и др., приобрела черты напрямую не связанные с первоисточником, например: круговые колоннады (храм в Николо-Погорелом) или термальные окна (проект мавзолея Потёмкина). Однако эти элементы, которые отсутствовали в самом Пантеоне, постепенно стали ассоциироваться с ним, благодаря влиянию увражей.

Также в этом разделе рассмотрена самая многочисленная группа ротондальных храмов конца XVIII в., включённых в продольно-осевую композицию (церковь на Гороховом Поле в Москве, окружённая колоннадой, и её отголоски, храм Спаса в Глинищах и его реплики, церкви Ирины в Покровском, Иверской Богородицы на Ордынке, Симеона Столпника за Яузой в Москве и их отражения в архитектуре провинции). Отдельная рубрика посвящена трёхротондальным храмам типа церкви Косьмы и Дамиана на Маросейке, которые также были весьма популярны и удачно соединяли в сложной композиции образ идеального храма-ротонды с прагматичной многосоставной планировкой, включавшей храм, два придела, трапезную и колокольню.

В *шестом разделе третьей главы* освещён завершающий этап распространения ротонд в России времени ампира. Главные новшества этого периода связаны с влиянием нереализованных конкурсных проектов: Казанского собора (Ж.-Ф. Тома де Томон), храма-памятника в Саратове (Дж. Кваренги) храма на поле Полтавской битвы (Томон, В. П. Стасов), Собора в Мстиславле (Стасов) и храма Христа Спасителя в Москве (Кваренги, А. Н. Воронихин, А. Л. Витберг, А. И. Мельников и др.). Образы античных ротонд, таких как храмы-толосы или Пантеон, соединились в этих проектах с темой купола собора Св. Петра в Риме. Это нашло отражение в реальных постройках русской провинции (храм Рождества Богородицы в Белгороде, церкви в селе Кунье, в Черепове и Жемчужникове, Хамине, храм Иоанна Предтечи в Торжке и Петропавловская церковь в Туле). Пантеоноподобные храмы стиля ампир часто были связаны с темой мавзолея (храмы в Суханове и Отраде-Семёновском, Д. И. Жиллярди).

Для проектов храма Христа Спасителя было характерно соединение ротонды с планом в форме греческого креста. Этот образ также повлиял на архитектуру провинции в таких памятниках, как крупные соборы в Симбирске (М. П. Коринфский), в Таганроге (А. И. Мельников) и Вятке (А. Л. Витберг), а также более камерные церкви в Косине, Бобылёвке, Павловске на Дону и др. Ставшая типичной в конце XVIII в. продольная композиция на основе ротонды развивалась в творчестве О. И. Бове (храмы в Архангельском под Рузой, Пехре-Покровском, Всех Скорбящих на Ордынке), И. И. Шарлеманя (собор в Енотаевке) и др.

Отдельная рубрика посвящена редкому и необычному типу «скрытой» ротонды с внутренней колоннадой, вписанной в четверик, или в овальный храм. Иконография его предположительно связана с темой императорских погребальных сооружений, но также не исключены и масонские влияния.

В завершении этого раздела рассмотрены проекты ротонд в сборниках гравированных чертежей 1824 г. (И. И. Шарлеманя и А. А. Михайлова) и 1829 г. (А. С. Кутепова), а также их отражения в реальной архитектуре провинциальных храмов.

В **заключении** диссертации проанализирована статистика ротондальных храмов и нереализованных проектов по разным эпохам и регионам, а также сделаны выводы по результатам исследования. Наибольшее количество ротонд строилось на рубеже XVIII–XIX вв., в стиле классицизма и ампира. Географическим центром распространения ротонд было Подмосковье и ближайшие регионы: Костромская, Калужская, Смоленская, Рязанская, Тверская, Тульская и Ярославская области. В целом ареал был довольно обширным и охватывал не только европейскую часть Российской империи, но и Русский север, Урал, Сибирь.

При распространении ротонд, помимо эстетической составляющей, важную роль играли местные региональные образцы. То есть, когда в регионе появлялся один новаторский проект, привезённый из Москвы или Петербурга местным

помещиком, то происходила своеобразная цепная реакция, и новые постройки копировались с данного образца.

Типологическое разнообразие ротондальных храмов объясняется обращением к различным иконографическим образцам. Если для петровского времени и зрелого барокко середины XVIII в. главную роль играли голландские, итальянские и немецкие увражи, то, начиная с эпохи Екатерины Великой лидирующие позиции заняли образцы французской архитектуры. На рубеже XVIII–XIX вв. активно осваивается античное наследие.

Преобладание продольного типа композиций, включавших ротонду, как составной элемент, иллюстрирует прагматизм русского архитектурного мышления. Строители и заказчики храмов скоро осознали неудобство красивых чисто центрических композиций для русского климата, требующего производить службы летом и зимой. Раннепетровские столпообразные храмы типа октоконхов, устремлённые ввысь и неотапливаемые, в течение XVIII в. обрастали пристройками тёплых невысоких трапезных. К концу века в архитектуре зрелого классицизма сложилась почти унифицированная схема продольной композиции алтарь–храм–трапезная–колокольня, где храмовая часть имела ротондальную форму.

Благодаря сопоставлению различных объектов и поиску аналогов удалось представить достаточно ясную картину существования нескольких иконографических линий ротондальных построек и выстроить между ними взаимосвязи. Благодаря большому хронологическому и географическому охвату можно проследить эволюцию ротондальных построек в России. На этом пути есть более и менее активные периоды. Наиболее активными были: начало и конец развития ротонд. Петровское время фактически задало все основные векторы, по которым ротонды впоследствии стали развиваться: уже тогда появились не только чисто центрические храмы, но и была придумана (в проекте Микетти для Стрельны) схема соединения ротонды с продольной композицией, которая станет доминирующей в конце века. Напряжённый поиск идеальной формы в ранних крестообразных храмах в Троекурове и Марфине напоминает те же процессы в

конкурсных проектах на храм Христа Спасителя. Так история ротонд сама прошла круговой путь.

Феномен популярности ротонд объясняется через призму культурно-политической психологии. Распространение восьмилепестковых храмов и постепенная трансформация их в ротонды происходили в тесной связи с утверждением сильной власти юного царя Петра после периода политических смут и междоусобия. Образ ротонды уже в ту эпоху ассоциировался с прославлением личности. Повторения столичных образцов, связанных с Петром и его родственниками (собор Высоко-Петровского монастыря, надвратная церковь Донского монастыря) явно носили демонстративный «верноподданический» характер.

Многие ротонды строились (или задумывались) богатыми и знатными заказчиками как «персональные» храмы, предназначенные для семьи владельца и нередко призванные прославлять его заслуги или быть символом высокого социального статуса. Несмотря на изданный ещё Петром I запрет строить «бесприходные» или домовые храмы, заказчики дворяне часто старались обойти это ограничение.

Распространение в конце XVIII в. антикизирующих ротонд типа храмов-толосов связано с прославлением императрицы Екатерины Великой, отождествляемой с богиней мудрости Минервой. Образ храма Минервы переплетался с христианским образом храма Премудрости, который ассоциировался с темой ротонды ещё с эпохи позднего Средневековья и соединялся с образами иерусалимского храма Соломона и храма Гроба Господня. Эта семантика была связана и с распространённой в литературе масонского толка идеей самосовершенствования личности.

**Основные результаты исследования отражены в 10 публикациях общим
объемом 10,9 а.л.**

***Статьи в рецензируемых изданиях, входящих в список ВАК и
международную базу цитирования Scopus:***

1. Яковлев А. Н. Церковь Косьмы и Дамиана на Маросейке. Прототипы и повторения // Архитектурное наследство. М., 2009. Вып. 51. С. 228–251.
2. Яковлев А. Н. Церковь Кира и Иоанна на Солянке и архитектурный тип «четверик со скруглёнными углами» // Архитектурное наследство. М., 2012. Вып. 56. С. 146–167.
3. Яковлев А. Н. Церковь Св. Варвары на Варварке. Типология и иконография // Архитектурное наследство. М., 2014. Вып. 60. С. 186–203.
4. Яковлев А. Н. Церковь в подмосковном Быкове: иконография и прототипы // Архитектурное наследство. М.; СПб., 2016. Вып. 64. С. 120–136.
5. Яковлев А. Н. Иконография храмов-ротонд эпохи зрелого барокко в России и творчество Ф. Б. Растрелли // Архитектурное наследство. СПб., 2019. Вып. 70. С. 72–90.
6. Яковлев А. Н. Антикизирующие церкви-ротонды эпохи классицизма. Часть первая // Архитектурное наследство. СПб., 2020. Вып. 73. С. 99–122.
7. Яковлев А. Н. Антикизирующие церкви-ротонды эпохи классицизма. Часть вторая // Архитектурное наследство. СПб., 2021. Вып. 74. С. 51–75.
8. Яковлев А. Н. Трехосные центрические храмы в России эпохи классицизма и их европейские прототипы // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. СПб., 2015. Вып. 5. С. 540–554.
9. Яковлев А. Н. Ротонда Сената в Московском Кремле. Архитектурная графика, иконография проекта // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. СПб., 2018. Вып. 7. С. 242–252.
10. Яковлев А. Н. Типология тетраконхов в русской церковной архитектуре эпохи барокко // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. СПб., 2020. Вып. 10. С. 182–196.